

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пороль П.В., Пороль О.А. — Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева // Litera. – 2023. – № 12. – С. 55 - 62. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69122 EDN: VQFNHQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69122

Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева

Пороль Полина Вадимовна

ORCID: 0000-0001-6706-4533

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры Русского языка и общеобразовательных дисциплин Оренбургского государственного университета

117198, Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13

✉ olgaporol@mail.ru

Пороль Ольга Анатольевна

ORCID: 0000-0001-9145-3336

доктор филологических наук

доцент кафедры Русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета

46000, Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13

✉ olgaporol@mail.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69122

EDN:

VQFNHQ

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Дата публикации:

07-12-2023

Аннотация: Обращение Н. Гумилева к теме Китая прослеживается в ряде его поэтических текстов, вершиной которых можно назвать цикл стихотворений

«Фарфоровый павильон» (1918). В исследовании рассматривается один из доминирующих китайских образов в поэзии Н. Гумилева – образ китайской девушки, отчетливо прослеживающийся среди созданного поэтом пространства поэтических текстов – как китайского, так и русского. Особое внимание уделено интерпретации поэтических произведений, проанализирована семантика и функционирование образа китайской девушки в восприятии поэта. При исследовании авторы статьи обращаются к культурным и историческим реалиям Китая, его философии и мифологии. Китай и Россия в сознании Н. Гумилева разделены и, одновременно, в ряде произведений слиты воедино. Рассуждения и выводы авторов статьи основываются на критических исследованиях, сопоставлении двух культур. Анализ поэтических произведений проведен в семантическом аспекте с применением поиска текстовых параллелей. Исследование выполнено с помощью структурно-семиотического метода. Новым в работе стало выявление и интерпретация образа китайской девушки в поэзии Н. Гумилева. В ходе исследования были проанализированы следующие поэтические произведения: «Царица» (1909), «Я верил, я думал...» (1911), «Девушке» (1912), «Луна на море» (1918), «Дорога» (1918), «Три жены мандарина» (1918). В цикле «Фарфоровый павильон» образ китайской девушки встречается девять раз. Выявлен генезис «тихой девушки» в рассматриваемых стихотворениях. Обнаружено, что образ китайской девушки соответствует «канонам изображения» Ничто («Царица»). Образ китайской девушки символизирует итог существования человека в мире без Бога, без бытия в высшем его смысле («Я верил, я думал...»). В стихотворении «Луна на море», как и в последующих стихотворениях цикла «Фарфоровый павильон» («Соединение», «Поэт», «Дом»), Н. Гумилев придерживается китайской традиции, сравнивая женский образ с луной.

Ключевые слова:

поэзия, Гумилев, Китай, образ, эстетика, рецепция, китайская традиция, интерпретация, мифология, девушка

Тема Востока, Китая, его искусства и учений – одна из главных тем творчества Н. Гумилева, интересовавшая его на протяжении всей жизни, начиная от одного из самых ранних стихотворений «О превращениях Будды» [\[2, VII, с. 22\]](#), написанном в двенадцатилетнем возрасте, и заканчивая так и оставшейся незавершенной и ставшей судьбоносной для поэта «Поэмой Начала» (1921). Китай в поэзии Н. Гумилева представлен довольно разнопланово – это и эстетическое любование деталями китайского быта, и образы мифологии, и обращение к поэтам Китая и т.п. Ранее тема Китая была рассмотрена нами в работе «Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика)» [\[9\]](#), а также в ряде последующих исследований, дополняющих ее [\[4, 8, 10\]](#). Цель настоящей статьи – проанализировать образ китайской девушки в стихотворениях поэта, раскрыть семантику этого образа в восприятии автора.

В 1909 году Н. Гумилев создает стихотворение «Царица» (А. Ахматова считала, что стихотворение «Царица» посвящено ей), в котором соединены образы женского начала России и Китая (Тибета). Обратимся к отдельной лексике и выражениям стихотворения, создающим портрет царицы:

- лоб в кудрях отлива бронзы
- как сталь, глаза остры

- светла, как *древняя Лилит*
- черты алмазного лица
- рот, вырезанный строго
- я в тебе увидел *Бога*
- лениво улыбнулась

Важно заметить, что в раннем произведении «Царица» проявилась отличительная черта всей поэтики Н. Гумилева – понимание современности при непременном обращении к древности, сосуществование прошлого и настоящего. Поэт описывает статую восточной богини («Тебе задумчивые бонзы / В Тибете ставили костры»), оживающую в конце стихотворения («И ты лениво улыбнулась / Стальной секире палача»). С. Л. Слободнюк отмечает несоответствие деталей стихотворения реальности: «Для Тибета все же более привычна фигура ламы, а не бонзы, хотя и тот, и другой – восточные монахи <...> А если говорить о «древней Лилит», которая, по определению Гумилева, «светла», то возникает вопрос: «Заслуживает ли мать исполинов и бесчисленных злых духов, ночное привидение, преследующее детей, такого эпитета? (Добавим, что Лилит по-еврейски означает «ночная»). Реальные атрибуты земной действительности создают иллюзию достоверности мифа, который творит поэт <...> «Светлая Лилит» не изощренный оксюморон, а фигура, воплощающая в себе одну из форм бытия добра и зла в мире поэта» [\[11, с. 175-176\]](#).

Обращение к китайскому образу царицы, безмятежному, отрешенному, безучастному и к жизни, и к смерти («И ты лениво улыбнулась / Стальной секире палача») соответствует канонам изображения Ничто, небытия и пустоты, его китайских истоков в русской поэзии Серебряного века.

В стихотворении «Я верил, я думал...» (1911) образ китайской девушки становится центральным, передающим, как и образ фарфорового колокольчика, весь драматизм душевного состояния поэта, его одиночество в мире:

И вот мне приснилось, что *сердце мое не болит,*
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае
 На пагоде пестрой... *висит и приветно звенит,*
 В эмалином небе дразня журавлиные стаи.
 А *тихая девушка* в платье из красных шелков,
 Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
 С поджатыми ножками *смотрит без мыслей и снов,*
 Внимательно слушая *легкие, легкие звоны.*

(«Я верил, я думал...») [\[2, II, с. 92\]](#).

«Тихая девушка в платье из красных шелков» изображается поэтом безучастной («без мыслей и снов»), способной слушать внимательно «*легкие, легкие звоны*» уставшего от боли сердца. Снова звучит известная в поэзии Серебряного века тема небытия,

разработанная в творчестве В. Брюсова, К. Бальмонта, В. Хлебникова и др., тема отрешенности (*без мыслей и снов*), тема Ничто, отчасти взятая из даосизма.

Примечательно, что образ китайской девушки возникает в последней строфе стихотворения, где поэт подводит итог существования человека в мире без Бога, без бытия в высшем его смысле. Бытие отступает перед вещным миром, фокус сужается, оставляя только одну фигуру девушки, детализируя даже рисунок вышивки платья – происходит победа быта над бытием: Создатель – я – поэт, чародей, Властитель вселенной – сидящая девушка с «поджатыми ножками» «в платье <...>, где золотом вышиты осы, цветы и драконы».

Стихотворение «Я верил, я думал...» было посвящено Сергею Маковскому – поэту, художественному критику, редактору журнала «Апполон», близкому другу, который оставил ценные воспоминания о Н. Гумилеве.

В цикле «Фарфоровый павильон» (1918) образ китайской девушки встречается девять раз. Впервые – в стихотворении «Луна на море» упоминаются «богдыханские жены»:

Смотря, как тучи легкие проходят

Сквозь лунный столб, что в море отражен,

Одни из них мечтательно находят,

Что это поезд *богдыханских жен...*

(«Луна на море») [\[3, с. 273\]](#).

Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает следующее определение именованию «богдыхан»: «неофициальное название китайского императора у русских в 16-17 вв.» [\[6, с. 50\]](#). Это именование довольно часто можно встретить в русской литературе XX века (К. Бальмонт, В. Хлебников, Ф. Сологуб, Б. Пильняк и другие). В «Луне на море», как и в последующих стихотворениях цикла («Соединение», «Поэт», «Дом») Н. Гумилев придерживается китайской традиции, сопоставляя женщину с луной (миф о Чаньэ). Интересным представляется в тексте стихотворения сопоставление:

тучи – *богдыханские жены*

тучи – *тени набожных людей*

тучи – *караваны лебедей*

Намеренно или интуитивно поэт словно соединил традиционные представления России и Китая: *богдыханские жены* – *караваны лебедей*, в Китае лебедь не символизирует женское начало, как это известно в русской культуре (например, царевна Лебедь в известной сказке А.С. Пушкина).

В пятом стихотворении цикла «Фарфоровый павильон», «Дорога», встречается образ «милрой», которой «Когда она родилась, ноги / В железо заковали ей». Несмотря на то, что приведенный образ очевидно восходит к исторической реалии бинтования ног девочкам в Китае, стихотворение проникнуто исконно-русскими образами и посвящено оно русской девушке – Марии Кузьминой-Караваевой. Мария была двоюродной племянницей Н. Гумилева, молодых людей объединяло светлое чувство. Однако, Мария сообщила поэту, что тяжело больна, поэтому не вправе кого-либо полюбить, и действительно, вскоре она умерла в Италии, куда отправилась на лечение. Это событие

прослеживается в последних строках стихотворения:

Когда она родилась, сердце

В железо заковали ей,

И та, которую люблю я,

Не будет никогда моей

(«Дорога») [\[3, с. 275\]](#).

Интересно заметить, что Марии Кузьминой-Караваевой посвящено и стихотворение «Девушке» (1912), где также прослеживаются китайские мотивы:

И вам чужд тот безумный охотник,

Что, взойдя на нагую скалу,

В пьяном счастье, в тоске безотчетной

Прямо в солнце пускает стрелу.

(«Девушке») [\[2, II, с. 56\]](#).

Исследователи находят в этих строках отсылку к Ветхому Завету, в то же время строит обозначить еще один возможный семантический пласт – стихотворение может восходить к китайскому мифу о стрелке Хоу И, который «расстрелял» девять солнц и, тем самым, спас людей от смертельной жары.

Следующее стихотворение в цикле «Фарфоровый павильон» – «Три жены мандарина», несколько ироничное, объясняющее «взаимоотношения» в семье, исторические особенности китайских семейных уз. Стихотворение построено в форме нисходящей градации: Законная жена – Наложница – Служанка.

Законная жена

Есть еще вино в глубокой чашке,

И на блюде *ласточкины гнезда*,

От начала мира уважает

Мандарин законную супругу.

Наложница

Есть еще вино в глубокой чашке,

И на блюде гусь большой и жирный.

Если нет детей у мандарина,

Мандарин наложницу заводит.

Служанка

Есть еще вино в глубокой чашке,

И на блюде разное варенье.

Для чего вы обе мандарину,

Каждый вечер новую он хочет.

Мандарин

Больше нет вина в глубокой чашке,

И на блюде только красный перец.

Замолчите, глупые болтушки,

И не смейтесь над несчастным старцем.

(«Три жены мандарина», 1918) [\[3, с. 275-276\]](#).

Каждый женский образ в стихотворении характеризуется по тому или иному «кушанию». Описывая «законную супругу», поэт прибегает к упоминанию традиционного китайского деликатеса – «ласточкины гнезда». Образ наложницы связан уже с более повседневной и менее эстетической едой – «гусь большой и жирный». Служанка в стихотворении ассоциируется с «разным вареньем». Если вспомнить, какое особенное внимание китайский народ уделяет приготовлению пищи и разнообразию блюд, подобные параллели – описание героя с помощью еды – кажутся вполне закономерными и Н. Гумилев тонко это замечает.

В свете всего сказанного, остается заметить, что образ китайской девушки в поэзии Н. Гумилева содержит следующую семантическую наполняемость:

- безмятежность, отрешенность, безучастность к жизни и к смерти, что соответствует канонам изображения Ничто, небытия и пустоты в русской поэзии Серебряного века («Царица»);
- равнодушие к драматизму душевного состояния лирического героя, к его одиночеству в мире («Я верил, я думал...»);
- небытие, забвение, «тихая девушка ... без мыслей и снов» («Я верил, я думал...»);
- отождествление с луной, что соответствует китайской традиции («Луна на море», «Соединение», «Поэт», «Дом»);
- соединение русских и китайских черт («Дорога»);
- отождествление с китайскими блюдами («Три жены мандарина»).

Рассмотренная нами тема, наверное, оказалось бы не до конца разработанной, если бы мы оставили без внимания тот факт, что «тихая девушка» в стихотворении Н. Гумилева «Я верил, я думал...» сильно отличается от тихого образа пушкинских героинь, что противоречит многовековой русской литературной традиции. Надмирному, неземному, высокому традиционно принадлежит категория покоя: «Все *тихо*, просто было в ней»; «Проходит долгое молчанье, / И *тихо* наконец она: „Довольно; встаньте. Я должна...”» («Евгений Онегин»), «Но царица молодая, / *Тихомолком* расцветая, / Между тем росла, росла, / Поднялась – и расцвела» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»), «... она <Марья Ивановна> воротилась, обливаясь молча *тихими* слезами»; «„Прощайте, Петр Андреич!”» – сказала она *тихим* голосом («Капитанская дочка») и т.д. [\[7, с.82\]](#).

Выражение «тихая девушка» в стихотворении Н. Гумилева означает прежде всего пустоту, сон, забвение и разрушение всех прежних надежд и мечтаний.

Библиография

1. Бронгулеев В. В. Посредине странствия земного: Документальная повесть о жизни и творчестве Н. Гумилева: Годы 1886-1913. М.: Мысль, 1995. 351 с.
2. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.: Воскресенье, 2001.
3. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. 632 с.
4. Коваленко А. Г., Пороль П. В. Китайский текст в стихотворении Н. Гумилева // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. №3, 2021. С. 529-536.
5. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архивасемьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. 302 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 907 с.
7. Пороль О. А. Идеино-смысловые доминанты в позднем творчестве А. С. Пушкина // Пушкинские чтения - 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXV Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 73-84.
8. Пороль П. В. Китай в поэзии Н. Гумилева // Николай Гумилёв - "Золотое сердце России". Коллективная научная монография по итогам проведения в Санкт-Петербурге 15-17 апреля 2021 г. Пятых международных Гумилёвских чтений. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2023. С. 264-270.
9. Пороль П. В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2020. 183 с.
10. Пороль П. В. Рецепция образа Китая в цикле стихотворений Н. Гумилева "Фарфоровый павильон" // Пушкинские чтения - 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXV Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 194-203.
11. Слободнюк С. Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С. Гумилева // Н. Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. 678 с.
12. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
13. Owen S. On the discussion of couplets in Chinese verse // Traditional Chinese Poetry and Poetics: Omen of the Word, Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. С. 91-96.
14. The Silver Age in Russian Literature. London: Palgrave Macmillan, 1999. 200 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики творчества Николая Гумилева, одного из величайших поэтов России начала XX века, а именно тему Востока, которая проходит сквозной нитью через многие произведения.

Цель настоящей статьи – проанализировать образ китайской девушки в стихотворениях поэта, раскрыть семантику этого образа в восприятии автора. Исследование выполнено в русле теории литературоведения, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке. Практическим материалом послужили произведения Гумилева. А именно: стихотворения «Царица», «Я верил, я думал...», цикл «Фарфоровый павильон» и др. В качестве методологии применены специфические методы филологического анализа. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.